

Федирко Оксана Петровна

доктор исторических наук,
профессор Департамента истории и археологии
Дальневосточного федерального университета

Красицкий Олег Геннадьевич

аспирант Дальневосточного федерального
университета

ОБРАТНАЯ СТОРОНА НАРОДНОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1919 Г.)

Аннотация:

В статье рассматриваются неизвестные страницы Гражданской войны на Дальнем Востоке России. На основе новых архивных источников, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, впервые вводимых в научный оборот, исследуется деятельность партизан по обеспечению отрядов боеприпасами, амуницией, медикаментами, фуражом, продовольствием с использованием криминальных методов, часто перерастающих в грабеж и мародерство. Авторы раскрывают факты противоправных действий партизанских отрядов и классифицируют их, выделяя основные группы преступлений: убийство, взятие заложников, грабежи крестьян и предпринимателей, налеты на почтово-телеграфные отделения и земские управы. Затронут вопрос правоохранительной деятельности колчаковской милиции, отмечена ее низкая эффективность.

Ключевые слова:

Гражданская война, партизаны, повстанцы, самообеспечение, убийство, грабеж, взятие заложников, власть, население, милиция, Дальний Восток.

Fedirko Oksana Petrovna

D.Phil. in History, Professor, National History
and Archival Science Department,
Far Eastern Federal University

Krasitskiy Oleg Gennadyevich

PhD student,
Far Eastern Federal University

THE HIDDEN SIDE OF PEOPLE'S WAR IN THE FAR EAST OF RUSSIA (1919)

Summary:

The article deals with the unknown pages of the Civil War in the Far East of Russia. Based on the new archival sources stored in the Russian State Historical Archive of the Far East and for the first time introduced into scientific usage, the authors study the activities of the guerrillas in providing troops with weapons, ammunition, medicines, fodder, food by means of criminal methods, often degenerating into looting and pillaging. The authors reveal facts of illegal actions of guerrilla teams and categorize them highlighting the main groups of crimes: murder, hostage taking, robbery of peasants and entrepreneurs, raids on postal and telegraph offices and local authorities. The article also discusses activities of the Kolchak's militia, noting it as inefficient.

Keywords:

Civil War, guerrillas, rebels, self-sustainment, homicide, robbery, hostage-taking, power, population, militia, Far East.

Гражданская война на Дальнем Востоке имела ряд особенностей, которые заключались в частой смене политических режимов, наличии среди населения, не определившегося в своих политических воззрениях, большого количества оружия, значительном влиянии интервентов на социально-политические процессы региона, удаленности и замкнутости края и др. [1]. Вполне закономерно, что в этих условиях одной из наиболее массовых и эффективных форм вооруженной борьбы за власть на территориях, которые контролировали антибольшевистские режимы, было партизанское движение.

Исследованию партизанского движения на Дальнем Востоке посвящено немало трудов историков, публицистов, участников событий. Описаны причины, предпосылки и ход событий. Советская историография и политическая публицистика во многом приукрашивали партизанскую борьбу, сглаживали «острые» углы, романтизировали события и героизировали партизанских вожаков. В этом же ключе описывали события и авторы – участники партизанского движения. Однако сегодня имеет смысл взглянуть на дальневосточное партизанское движение под иным углом, хотя бы для того, чтобы воссоздать максимально объективную картину событий на основе вводимых в научный оборот ранее недоступных архивных материалов, свидетельств участников событий, поздней переписки, воспоминаний и иных источников, содержащих конкретные сведения и разнообразные оценочные суждения. Тщательное их исследование необходимо в наши дни в том числе и для изучения социально-психологических и нравственных аспектов Гражданской войны в России, поскольку именно эта война сфокусировала в себе самые сложные, болезненные, запутанные проблемы и противоречия российского общества не только первых двух десятилетий XX в., но и всего предшествующего периода исторического развития.

В статье на основе впервые вводимых в оборот материалов из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) (г. Владивосток) раскрывается обратная сторона народной войны на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны.

Среди противостоявших белым режимам и интервентам вооруженных группировок стоит выделить крупные партизанские отряды, организованные по образцу воинских подразделений, состоявшие из сторонников определенных политических или общественных сил, и отдельные группы, которые можно охарактеризовать как повстанческие, или «зеленоармейцев». Последние были людьми различных политических взглядов и принципов, волею случая и обстоятельств оказавшимися вместе в тайге с оружием в руках. Утомленные тяготами таежной жизни, без целей и веры в успех сопротивления, эти группировки занимались мародерством и «самообеспечением», хунхузничеством в ожидании дальнейшего развития ситуации. Выдвинувшиеся в этих отрядах командиры зачастую являлись носителями идей анархизма в совокупности с махровой уголовщиной. Такие отряды по сути представляли собой вооруженные банды, которые грабили старательские прииски, крестьян, что вызывало серьезное недовольство мирного населения.

Стоит отметить, что в июле 1919 г. объединенная группировка партизан в Приморье потерпела серьезное поражение в Сучанской долине, вступив в открытое столкновение с войсками белых и интервентов. Отряды были рассеяны, повстанцам пришлось уходить в тайгу, разбившись на небольшие группы. Характер партизанской войны в области претерпел серьезные изменения. В РГИА ДВ имеются интереснейшие документальные свидетельства – архивные документы Никольск-Уссурийской уездной милиции за июль 1919 г. – февраль 1920 г. на 506 листах. Это рапорта о происшествиях от сельских милиционеров, отчеты о контрпартизанских рейдах, телефонограммы из вышестоящих штабов, протоколы допросов арестованных партизан. Анализ этих документов проливает свет на характер деятельности приморских партизан в одном из крупнейших уездов области со второй половины 1919 г. по январь 1920 г. в период действия там режима Колчака.

Колчаковские милиционеры на местах в своих отчетах и рапортах регулярно извещали вышестоящее начальство о нападениях «бандитских шаек», т. е. разрозненных мелких партизанских отрядов и групп, на волостные центры и отдаленные села, где подвергались ограблению местные земские управы, почтовые отделения, зажиточные крестьяне и торговцы, разоружались представители силовых структур. Нередки также были и убийства последних.

Из агентурного донесения от 7 октября 1919 г.: «В первых числах апреля в с. Осиновском большевиками были убиты три офицера. В совершении этого преступления обвиняются проживающие в настоящее время в д. Макавеевка Анучинской волости П.М. Бойко, Т.И. Ковальчук, С.В. Николаев, М.Я. Ковальчук, состоявшие в банде красных Анучинского района и принимавшие участие в боях против правительственных войск. Причем Мирон Ковальчук до сих пор носит синие брюки, снятые с убитого офицера, а Бойко – кольцо, отрубленное вместе с пальцем у убитого офицера» [2]. Такова была реальность вооруженного противостояния Гражданской войны.

Помимо физических расправ, широко применялась практика экспроприаций и взятия заложников с целью выкупа. Из рапорта начальника 2-го участка Никольск-Уссурийской уездной милиции (с. Раздольное) в штаб уезда от 12 сентября 1919 г. по поводу допроса задержанного партизана Г. Абрамова следует, «...что шайка, в которой он состоял до момента задержания его, есть осколки банды, оперировавшей в окрестностях с. Спасское, Черниговки, Ивановки, Осиновки и ст. Иполитовки под командой бандита Шевченко. По словам Абрамова, месяца полтора назад банда Шевченко, численностью человек 300, собралась в лесу около с. Вешняковка и на митинге решила разделить все, что у нее имеется (лошадей и деньги), разбиться на мелкие шайки человек 10–12 и на зиму разойтись в разные стороны по городам и деревням. Также задержанный рассказал о грабежах и захватах заложников» [3].

Захват заложников довольно часто применялся партизанами для решения задач по самообеспечению ресурсами. Например, Никольск-Уссурийской уездной милицией было проведено дознание по заявлению крестьянина-пасечника Шкуратова по факту захвата партизанами лошадей, принадлежавших ему. В деле фигурирует расписка за подписью известного партизанского командира Г. Шевченко. Вот ее текст (орфография и пунктуация сохранены): «Товарищу Шкуратову. Были у Вас на пасеке отряд большевиков в знак контрибуции забрали две лошади и телегу. Если представите 25 000 рублей денег, то возвращу коней и телегу. Деньги представьте в дом Чуданову не позднее 18 числа и деньги оставьте. Лошади будут возвращены. С почтением командир отряда Шевченко» [4]. Еще раньше за известного в Приморской области фабриканта Пьянкова, захваченного отрядом того же Шевченко и доставленного в д. Фроловка, был затребован выкуп в 500 000 р. [5]. И таких случаев было много.

Судя по отчетам сельских участковых, почтово-телеграфные отделения и земские управы были особо привлекательными для партизан. Налеты на них и ограбления земских касс происходили в уезде регулярно и небезуспешно. Добычей партизан служили не только наличные деньги, но и различные документы – бланки паспортов и удостоверений, списки лиц, подлежащих мобилизации в колчаковскую армию, списки крестьян, предоставлявших лошадей и содействовавших белым режимам. В рапорте о происшествии на 3-м участке Никольск-Уссурийского уезда отмечается: «В ночь с 25 на 26 ноября 1919 г. около 12 чел. партизан из отряда Вольского напали на Михайловскую волостную управу. Взяли 60 шт. паспортных бланков, 28 шт. паспортных книжек. 1 500 р. в кассе той же не взяли и в кассе кредитного товарищества тоже 1 500 р. не взяли. 2 декабря 1919 г. в Осиновскую волостную земскую управу явились 8 конных партизан-большевиков, забрали 15 паспортных бланков, выдав расписку в приеме бланков за подписью К. Степаненко» [6].

Анализируя архивы Никольск-Уссурийской уездной милиции, приходится признать, что во второй половине 1919 г. до 70 % всех происшествий в уезде представляли собой вооруженные налеты с целью ограбления. Попросту говоря, «приехала шайка большевиков, ограбила почтотелеграф, лавку, контору, крестьян, захватила подводы, лошадей и исчезла в неизвестном направлении. Проводится дознание» [7]. В д. Пушкино Борисовской волости 20 августа 1919 г. «четыре красноармейца вошли в дом крестьянина Акима Григорьевича Пивоуса и потребовали контрибуцию в сумме 10 000 р. Под угрозой оружия забрали 595 р. денег и новые сапоги, а также нижнее белье, обещая зайти в следующий раз, ушли» [8].

Что касается правоохранительной деятельности колчаковской милиции (созданной, кстати, и для борьбы с партизанами в том числе), то, судя по отчетам о расследованиях тех или иных событий, особых результатов она не приносила. Донесения с мест пестрят жалобами на нехватку личного состава, оружия и транспорта и сетованиями на отсутствие поддержки со стороны союзных войск. К декабрю 1919 г. активность многочисленных небольших партизанских групп Никольск-Уссурийского уезда практически парализовала работу государственных органов на местах, особенно в отдаленных селениях. В своем рапорте от 25 августа 1919 г. Борисовский волостной милиционер пишет, что «...служебные обязанности в д. Яковлевка, Прокопьевка, Пушкино, Богатыревка исполнять нет никакой возможности» [9]. А 21 октября того же года уже начальник Никольск-Уссурийской уездной милиции в рапорте по поводу происшествий в отдаленных населенных пунктах отмечает, что «...ввиду занятия местности большевиками (партизанами) произвести дознание не представляется возможным» [10].

С ослаблением режима Колчака к концу 1919 г. ситуация практически полностью вышла из-под контроля режима. В некоторых деревнях партизаны не просто чувствовали себя вольготно, но непосредственно осуществляли властные функции. Из агентурного донесения: «23 декабря 1919 г. ночью по всем дорогам были выставлены патрули партизан. 24 декабря 1919 г. на сходе в с. Кондратьевка большевики потребовали сдать все оружие в суточный срок на сельском сходе. После 8 вечера по селу не ходить. Лошадей, предназначенных для отправки в войска, большевики забрали...» [11].

Подобное положение дел крайне деморализующе действовало на служащих колчаковской милиции. Отсутствие поддержки из уезда, низкое жалование, страх за свою жизнь и жизнь своих близких заставляли многих милиционеров увольняться со службы или перебираться в Никольск-Уссурийск. Так, в начале января 1920 г. начальник 6-го Ивановского отделения Макаров в спешном порядке под охраной японцев отбыл в Никольск-Уссурийск вместе с семьей и домашним скарбом. В рапорте по этому поводу он указывал, что «японцы окопались в своих казармах и никакого содействия не оказывают, ...жители деревни, узнав о том, что скоро придут большевики, вышли с угрозами на улицу толпами, многие пьяные..., также выехали из Покровки 4 милиционера ввиду тревожного состояния населения... Милиционеры увольняются со службы частью из-за жалования, частью из-за боязни большевиков. ...В Михайловке 4 человека милиционеров, а партизаны часто приезжают до 40–50 чел. Милиционеры прячутся в стогах, ночуют на морозе... В Раковке, Глуховке, Кондратеневке Суйфунской волости партизаны уже не скрываются... 5 января по донесениям из Камень-Рыболова выехала почта и много населения, напуганных слухами о большевиках... 9 января в Борисовке у четырех солдат партизаны отобрали оружие и обмундирование...» [12]. Из рапорта волостного милиционера с. Монастырище: «По имеющимся сведениям, большевики хотят сделать вооруженное нападение и обезоружить в ночь на 20 января всех милиционеров, находящихся в Монастырище. Ввиду вышеизложенного я выехал из Монастырища с милиционерами» [13].

Что касается контрпартизанских акций и рейдов, то, судя по документам, они проводились при получении агентурной оперативной информации соответствующего характера либо с целью реализации оперативных комбинаций (освобождение заложников, прочесывание населенных

пунктов для выявления скрывающихся партизан). При получении информации о длительном пребывании партизан в конкретном месте (землянка, таежная заимка, охотничье зимовье) создавался сводный отряд милиции и в обстановке строжайшей секретности выдвигался к месту. Зачастую участники рейда до самого последнего момента не знали о целях и районах прочесывания. В особых случаях рейды проводились совместно с японскими войсками. Результативность этих рейдов была крайне низка. Судя по документам, партизанам (или обычным уголовникам) удавалось скрыться от милиции.

Так, показателен случай под с. Черниговка в декабре 1919 г. Отряд милиционеров совместно со взводом японцев выдвинулся для захвата 4 вооруженных людей, проживающих в землянке в окрестностях села. При приближении к лесному массиву колонну обстреляли с ближайшей сопки. Милиционеры и японцы открыли ответный огонь, но безрезультатно. Стрелявшим удалось скрыться в тайге. Японцы окружили землянку и предложили находившимся в ней сдаться. Однако в ней никого не оказалось. В ходе обследования строения поручик Соколовский получил ранение при курьезных обстоятельствах. Он осматривал землянку изнутри и попытался выковырять мох, которым было заткнуто оконце. Японский солдат, испугавшись, ткнул штыком в образовавшуюся щель и порезал поручику палец.

Партизанское движение на Дальнем Востоке в массе своей было «инициативой снизу» – вооруженным протестом против белого террора и грабежа интервентов. А обратной стороной, изнанкой любой народной войны всегда является разгул анархии и бандитизма. Об этом убедительно говорят архивы Никольск-Уссурийской уездной милиции – свидетельства противоположной стороны. К январю 1920 г. активность партизан возросла многократно. Попытка вооруженного чехословацкого мятежа во Владивостоке 17 ноября 1919 г. еще более усилила активность партизанских групп [14]. Слабеющая, раздираемая внутренними противоречиями и не подерживаемая большинством населения, власть уже не могла сдерживать нарастающий партизанский террор и разгул бандитизма. Дни белых режимов на Дальнем Востоке были сочтены.

Ссылки:

1. Федирко О.П. Образование и просвещение на российском Дальнем Востоке в период Гражданской войны: проблемы секуляризации и сакрализации. Благовещенск, 2010. 113 с.
2. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока). Ф. 538. Оп. 1. Д. 40. Л. 123.
3. Там же. Л. 50–51, 70–71.
4. Там же. Л. 156.
5. Ильухов Н.К. Эхо Приморских сопок // За Советский Дальний Восток. Вып. 5. Владивосток, 1990. С. 80.
6. РГИА ДВ. Ф. 538. Оп. 1. Д. 40. Л. 299, 323.
7. Там же. Л. 113.
8. Там же. Л. 11.
9. Там же. Л. 38.
10. Там же. Л. 158.
11. Там же. Л. 411.
12. Там же. Л. 367.
13. Там же. Л. 431.
14. Там же. Л. 286.

References:

- Fedirko, OP 2010, *Education and awareness in the Russian Far East during the Civil War: the problem of secularization and sacralization*, Blagoveshchensk, p. 113, (in Russian).
Ilyukhov, NK 1990, 'Echo Seaside hills', *Za Sovetskiy Dal'niy Vostok*, vol. 5, Vladivostok, p. 80, (in Russian).